

© **Евгений Александрович Плеханов**

доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры социально-
гуманитарных дисциплин,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: eaplekhanov@gmail.com

Plekhanov E. A.

Doctor of Pedagogy
Associate Professor, Professor of the
Department of Social and
Humanitarian Disciplines,
Vladimir branch of the RANEPa,
Vladimir

© **Алёна Альбертовна Моденова**

студент факультета права,
Владимирский филиал РАНХиГС,
г. Владимир
e-mail: modenovaalenka@gmail.com

Modenova Alena

Student of Law Faculty,
Vladimir branch of RANEPa,
Vladimir

ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ В ТЕОРИИ ЧАСТНОГО И РЕТРИБУТИВНОГО ПРАВА И. КАНТА

The concept of justice in the philosophy of law by I. Kant

***Аннотация.** В статье анализируются место и роль понятия справедливости в кантовском учении о частном и ретрибутивном праве. Показано, что категория справедливости составляет основу договорных отношений между индивидами как свободными и разумными существами. Совпадая по содержанию с понятием права, справедливость выступает важным регулятивным принципом, позволяющим оценивать правовой характер юридических установлений в сфере вещного, личного и вещно-личного права. Рассматриваются различные формы справедливости: распределяющая, вознаграждающая, ретрибутивная, обязывающая.*

***Abstract.** The article analyzes the place and role of the concept of justice in the Kantian doctrine of private and retributive law. It is shown that the category of justice forms the basis of contractual relations between individuals as free and intelligent beings. Coinciding in content with the concept of law, justice is an important regulatory principle that allows us to assess the legal nature of legal institutions in the field of real, personal and proprietary law. Various forms of justice are considered: distributive, rewarding, retributive, binding.*

***Ключевые слова:** справедливость, личное право, частная собственность, договор, преступление, наказание.*

***Keywords:** justice, personal law, private property, contract, crime, punishment.*

Введение

Тесная связь права и справедливости представляется настолько очевидной, что ее специальное обоснование в отношении правовой теории Канта может показаться излишним. На самом деле это далеко не так.

Текстологический анализ обнаруживает, что термином «справедливость» Кант пользуется довольно редко. В «Метафизике нравов» к понятию «справедливость» он обращается всего лишь в десяти местах. При этом следует учитывать, что не во всех случаях имеется в виду справедливость в собственно юридическом значении.

Кроме того, определенную роль играет фактор точности перевода специфических кантовских терминов на русский язык. Так, отечественный исследователь Л. Э. Крыштоп обратила внимание на то, что значение немецких слов *Billigkeit* и *Gerechtigkeit* в русскоязычных текстах передается термином «справедливость». Однако если понятие *Gerechtigkeit* используется Кантом в строго юридическом значении, то слово *Billigkeit* он употребляет именно тогда, когда требуется исключить смысловые ассоциации понятия «справедливость» с правовой сферой. Исходя из того, что «[*Billigkeit*] является обязанностью из права другого, в той мере, в которой это не связано с полномочиями принуждать другого» [Kant, 1937, S.152; Kant, 2016в, с.141. Цит. по: 4, с. 66] смысл этого термина более точно передается словами «честность», «совестливость», «уважение», которые в большей мере соответствуют принципам морали, чем права.

И, наконец, в «Метафизических началах учения о праве» сам Кант недвусмысленно дает понять читателю, что справедливость не имеет никакого отношения к чистому праву, поясняя это на примере условной ситуации, когда домашний слуга, получив от хозяина в конце года причитающуюся ему по договору плату, обнаруживает, что из-за обесценивания денег размер его жалованья уменьшился настолько, что он уже не может прокормить свою семью. В данной ситуации ни у одной из сторон нет юридических оснований считать условия договора не выполненными. Слуге же, обманутому непредвиденными обстоятельствами, остается только одно – взывать к суду справедливости в лице совести хозяина. Что же касается суда гражданского, то не в его силах чем-либо помочь пострадавшему, «потому что справедливость относится только к *суду совести* (*forum poli*), а каждый правовой вопрос должен решаться на основании *гражданского права* (*forum soli*) (здесь и далее курсив в цитатах наш. – Прим. авт.) [3, с. 144]. Именно в этом состоит смысл сентенции: «строжайшее право – это величайшая несправедливость (*summum ius summa iniuria*)».

Все сказанное можно было бы рассматривать в качестве аргументов для обоснования тезиса о том, что для кантовской философии права проблема справедливости не является стержневой, и если она где-то и выражена отчетливо, то только в теории наказания. Большая часть публикаций, посвященных правовому учению Канта, как раз и сосредоточена на вопросах адекватного наказания в сфере уголовной ответственности [5; 6; 8; 9; 10], что

также косвенно подтверждает предположение о «частном» для метафизики права характере проблемы справедливости.

Однако данный вывод является преждевременным, поскольку он не учитывает особенностей трансцендентального метода, на основе которого Кантом конституируется его правовая концепция.

Деление понятия «право» у Канта осуществляется по трем основаниям:

1) *естественное* право, опирающееся на априорные принципы, и *положительное* (статутарное) – вытекающее из воли законодателя;

2) *прирожденное*, т.е. принадлежащее каждому от природы, и *приобретенное* – право, устанавливаемое правовым актом;

3) *внутреннее*, к которому относится *прирожденное мое и твоё*, и *внешнее*, в качестве которого выступает приобретенное право [см.: 3, с. 147].

Единственным *прирожденным* правом а priori является свобода, присущая каждому человеку как представителю человеческого рода и обуславливающая *прирожденное равенство*, состоящее в том, что, вступая в правовые отношения, лица могут обязывать друг друга только в равной степени, что отвечает требованию справедливости. Каждый, кто, располагая собственной свободой сообразно с всеобщим законом практического разума, становится *господином самого себя*, приобретает качества *безупречного* человека, для которого правовые обязанности одновременно становятся и возможностями поступать в соответствии с ними (правомочиями). Из всех возможных видов правовых отношений реальными являются только отношения между разумными существами, которые могут быть либо непосредственно личными, либо опосредованными, т.е. отношениями по поводу «вещей». В *естественном* состоянии общества и первые, и вторые составляют *частное* право, а в *гражданском* обществе, обеспечивающем законодательное (юридическое) гарантирование прав составляющих его лиц, право становится *публичным*.

Справедливость в сфере частного права

Основу частного права Кант непосредственно связывает с частной собственностью, которая является примордиальным (первоначальным) истоком права, заключающимся во взаимном признании лицами какой-либо вещи или «твоей», или «моей». «*Моё в правовом отношении* (meum iuris), – указывает Кант, – это то, с чем я связан так, что если бы кто-то другой пользовался им без моего согласия, то это нанесло бы мне ущерб» [3, с. 155]. «*Твоё* – это то, что связано с другим таким образом, что мое пользование им без согласия этого другого, могло бы нанести ему ущерб» [3, с. 155]. Справедливость состоит в этой взаимообратимости права владения, которое является признанием со стороны других моего (субъективного) права обладать предметом как непосредственно (эмпирически), так и независимо от того, где этот предмет находится в пространстве и времени. Во втором случае владение основано на разуме и является чисто правовым (умопостигаемым), поскольку согласуется с законом практического разума а priori, из которого следует, что

каждый имеет равное с другими право на *своё* (на собственность). Объективно возможное *моё* и *твое* основано на априорном предположении практического разума, и поэтому они справедливо могут считаться равноправными.

Владение предметом в *чисто правовом отношении*, то есть владение предметом независимо от того, является оно эмпирическим или умопостигаемым (интеллектуальным), может относиться: 1) к телесной *вещи* вне меня; 2) к *произволу* (осознанному намерению) для совершения определенного действия; 3) к *состоянию* другого в отношении ко мне.

Ответ Канта на вопрос, как возможно внешнее *моё* и *твое*, или в кантовской формулировке как возможно априорное синтетическое правовое положение, является, по сути, обоснованием права частной собственности как основы всех остальных прав. Задача состоит в том, чтобы объяснить, каким образом право собственности может выходить за пределы эмпирического владения вещью. Первоначальное владение отдельным лицом участком земли – это акт частного произвола, но не самоуправства, поскольку собственник владеет им хотя и не по закону, т.к. естественное состояние еще не знает публичного закона, но по праву. Это право с необходимостью вытекает из общего владения землей как правового состояния, логически предшествующего частной собственности. Но общее владение – это уже правовое состояние, априорно предполагающее свободу отдельного лица, и поэтому постулат практического разума гласит: «Правовая обязанность – поступать по отношению к другим так, чтобы внешнее (годное для употребления) могло стать для кого-то и *своим*» [3, с. 163], независимо от места и времени нахождения предмета владения. Только в этом случае частное владение будет иметь чисто правовой и, следовательно, справедливый характер.

Владеть – значить обладать властью над любым предметом, являющимся предметом нашего произвола (осознанного желания) согласно с законом внешней свободы. «...Способ иметь что-то находящееся вне меня *своим* есть чисто правовая связь воли субъекта с предметом – независимо от отношения к этому предмету в пространстве и времени – согласно понятию умопостигаемого владения» [3, с. 165]. Следовательно, частная собственность это понятие «чистого рассудка», вытекающее из постулата практического разума, и поэтому, как относящееся к вещам, намерениям и действиям других людей, приобретает характер априорного синтетического правового положения.

В естественном состоянии владение предметом является всего лишь правомочием – возможностью иметь *своё*, которая негласно признается всеми как разумными существами за каждым лицом. Хотя такое положение отвечает всеобщему закону справедливости, но в эмпирическом мире оно не имеет прочных оснований. Поэтому презумпция (возможность) частной собственности может стать правом (действительностью) только в гражданском состоянии, в котором власть общей воли посредством

юридического законодательства способна обеспечить гарантии индивидуального владения.

В гражданском состоянии право собственности становится частью публичного права, что предполагает его юридическую кодификацию при строгом соблюдении принципа справедливости. С точки зрения правового основания приобретение может осуществляться по *факту* (facto), по *договору* (pacto) и по *закону* (lege). В зависимости от формы правомочия приобретения и владения Кант выделяет *вещное, личное и вещно-личное* право.

Раскрывая понятие вещного права, Кант настойчиво подчеркивает два обстоятельства, призванные признать справедливость частной собственности. Во-первых, вещное право – это не право на *владение вещью*, а право в отношении *владельца вещи*, поэтому легитимность обладания вещью обусловлена не ее *захватом*, а *правомочием* лица в качестве собственника вещи. Во-вторых, правомочие владения становится правом только в гражданском состоянии, поскольку собственность – это не только объявление лицом вещи *своей*, но и общее признание остальными собственниками того факта, что эта вещь не принадлежит никому из них. «Следовательно, – делает вывод Кант, – в собственном и буквальном смысле нет и (прямого) права на вещь, – так только называется то право, которое принадлежит кому-то по отношению к лицу, находящемуся со всеми другими (в гражданском состоянии) в совместном владении» [3, с. 174]. *Эмпирическое основание* собственности – первоначальная общность земли, делающая возможной владение ее частью отдельными лицами. *Основание, определяемое разумом*, – априорная идея объединенной воли всех как законодательное начало в гражданском состоянии.

В связи с этим возникает актуальный и по сей день вопрос о том, насколько отвечает правовой справедливости захват европейскими колонистами территорий нецивилизованных народов, ведь, по логике Канта, согласно естественному праву (праву первого обладания), которое является приоритетным, эти земли являются собственностью коренных жителей. Справедливость требует признания этого права в качестве a priori всеобщего и необходимого как для естественного, так и для гражданского состояния. То обстоятельство, что право владения в естественном состоянии является не *окончательным*, а *предварительным*, по существу, ничего не меняет. Однако европейцу, даже просвещенному Кантом, свойственно заявлять, что для равноправных договорных отношений требуется предварительное окультуривание «варварских» народов, замена присущего им естественного состояния культурным, гражданско-правовым. В этом цивилизованный человек усматривает свою миссию, отвечающую целям творения. «Однако сквозь эту завесу легко проглядывает несправедливость (иезуитство), оправдывающая все средства ради благой цели; итак, – констатирует Кант, – этот способ приобретения земли неприемлем» [3, с. 179-180].

Владение частной собственностью «есть не что иное, как отношение лица к [другим] *лицам*, [выражающееся] в наложении на все эти [лица]

обязанностей относительно пользования этими вещами через посредство воли первого лица, поскольку эта воля сообразна с аксиомой внешней свободы, с *постулатом* способности и *всеобщим* законодательством воли, а *priori* мыслимой в качестве объединенной, что представляет, следовательно, *умопостигаемое владение* этими вещами, т.е. владение чисто правовое» [3, с. 182]. Справедливость владения частным лицом собственностью, таким образом, основывается на неотъемлемом праве собственника распоряжаться вещью как *своей* по собственному усмотрению, с тем лишь условием, чтобы это не нарушало аналогичного права других.

Справедливость личного права

Если вещное право, непосредственно вытекающее из принципа внешней свободы, основано на праве первого приобретения, то личное право никогда не может быть первоначальным и самопроизвольным, поскольку оно касается приобретения *своего* другого. Эмпирически личное право является актом передачи предмета от одного владельца другому, или, точнее, смены собственника предмета. Однако как собственно правовое (умопостигаемое) действие это означает *передачу права* на собственность одним лицом другому (*отчуждение*), которая происходит на основе взаимного осознанного согласия («объединенного произвола») сторон, то есть в форме *договора*.

В точки зрения материи (цели) договора предметом личного права является вещь, которую одна сторона отчуждает от себя, а другая присваивает себе, тогда как с точки зрения формы акт договора – это правовое отношение между собственниками, т.е. лицами, имеющими равные вещные права. Кант детально анализирует структуру, порядок, виды договоров, условия их заключения и правовые принципы, которые должны лежать в их основе.

Соответствие принципу справедливости является необходимым условием правового характера любого договорного акта. Общественная справедливость – это формальный принцип правового состояния, рассматриваемый с точки зрения идеи воли, устанавливающей всеобщие законы. В зависимости от модальности владения предметами (возможность, действительность и необходимость) справедливость, выраженная в законах, может быть *охранительной* (*iustitia tutatrix*), *взаимоприобретающей* (*iustitia commutativa*) и *распределяющей* (*iustitia distributiva*).

Охранительная справедливость требует такого образа действий, который внутренне *прав* по форме, то есть сообразен внешним законам.

Взаимоприобретающая справедливость определяет, чье владение *основано на праве*.

Распределяющая справедливость имеет место тогда, когда эмпирическое следствие применения правового закона (решение, приговор суда) вытекает из самого этого закона, т.е. *соответствует праву* [см.: 3, с. 225].

В области личного права, где вопрос о праве лица как собственника становится главным, реализуется преимущественно взаимоприобретающая

справедливость. Ее субъективным основанием, если только это не договор одностороннего приобретения, является обоюдное согласие лиц, опирающееся на их осознанное желание получения выгоды. Поэтому справедливость условий договора есть результат его оценки как отвечающего целям каждой из сторон.

Однако установление эквивалентности обмена выгодами здесь не имеет объективной меры, и поэтому справедливость соглашения может быть мнимой, как, например, в случае договора между торговцем и аборигеном-охотником об обмене горсти цветных бус на шкурку ценного зверька. В цивилизованном обществе универсальным средством установления объективной равноценности обмена являются деньги, общая сумма которых есть выражение количества труда, затраченного людьми на создание общего богатства. Поскольку деньги – «всеобщее *средство взаимного обмена труда (Fleiss) людей*» [3, с. 203], договор взаимоприобретения носит характер товарно-денежного обмена или «купли-продажи», при которой эквивалентность стоимости товара и денег обеспечивает его справедливость.

Другое условие справедливости правового договора связано со степенью его рациональности – продуманности и согласованности сторонами условий заключения и выполнения соглашения, принимаемых на себя обязательств и ответственности, порядка вступления лиц в права собственности. Тщательный учет всех обстоятельств сделки позволяет привести объективную справедливость договора в соответствие с субъективной и исключить ситуацию, когда выполнение условий договора является справедливым в правовом отношении, но не является таковым в отношении моральном. Так, в описываемом Кантом примере со слугой, получившим расчет в соответствии с договором, но обесценившимися деньгами, требование правовой справедливости не вступало бы в противоречие с этической справедливостью, если бы в соглашении была предусмотрена возможность инфляции.

Справедливость всякой сделки нуждается в правовых гарантиях, поскольку в процессе ее совершения присутствует «момент», когда одна из сторон владеет одновременно обеими обмениваемыми вещами (продавец, получивший деньги до передачи товара, или покупатель, получивший товар до передачи денег). С субъективной точки зрения, пишет Кант, «ответ на вопрос, действительно ли *последует* (станет *физическим* следствием) это необходимое согласно разуму следствие (каковым *должно было бы быть приобретение*), принятие обещания не дает мне еще никакой *уверенности*» [3, с. 200]. В таком случае должен быть оформлен особый договор между *поручителем* и *дающим обещание*, принуждающая сила которого позволяет *акцептанту* рассчитывать на получение *своего*. Однако этим проблема исполнения справедливого договора не решается окончательно. Договор, заключенный поручителем, сам должен иметь обязывающую силу. Поэтому объективным основанием свершившейся справедливости по Канту может

быть не согласие субъективных волей, а принуждающее право общей воли, принявшей форму закона.

Справедливость как принцип вещно-личного права

Вещно-личное право Кант определяет как «право владения внешним предметом как *вещью* и пользования им как *лицом*» [3, с. 191]. Предмет такого права – отношения внутри общности, называемой семьей. Каждый член семьи владеет другим как *моим* или *твоим* (моя дочь, твой отец), т.е. предметом. Вместе с тем, хотя эта общность представляет собой отношение между лицами, тем не менее оно есть нечто большее, чем просто договор. Вещно-личное право имеет под собой не самовольное действие владения (*facto*) и не договор взаимного обмена (*facto*), а закон (*lege*), выходящий за пределы права на вещи и на лица, и поэтому являющийся «правом человечества в нашем собственном лице» [3, с. 191].

Семейное право, которое Кант подразделяет на брачное, родительское и право хозяина дома, – наиболее спорная и противоречивая часть его правового учения. В «Философии права» Гегель показал, что семья строится не на договорном, а на духовно-нравственном основании (любви) и поэтому она представляет собой не сообщество с целью взаимного приобретения, а субстанциональное единство, в котором каждый из его членов обретает значимость большую, чем он представлял бы как отдельное лицо.

Безусловно, отношения между членами семьи могут и должны носить правовой характер. Это касается таких сторон жизни семьи, как заключение брака и его расторжение, имущественные взаимоотношения между супругами, права членов семьи, обязанности родителей по отношению к детям. Во всех этих и других аналогичных случаях правовая (внешняя) справедливость предполагает семейный союз как добровольный негласный договор между членами семьи, являющимися свободными лицами. По Канту всякая семья как общность, отношения в которой противны идее практического разума (права человечества), не имеет правовых оснований. Он имеет в виду традиционный семейный уклад, основанный на патриархальном деспотизме и бытовом насилии, а также браки, целью которых является материальная выгода, социальное положение или власть.

Однако право не может быть основой семейного союза. Семья как «*непосредственная субстанциональность духа*» есть «нравственное единение в его природной форме» (Гегель). Правовой закон не должен касаться сферы внутрисемейных отношений – отношений между супругами, родителями и детьми. Он имеет силу, во-первых, в момент создания семьи, относящийся к заключению брака; во-вторых, в ее «внешнем бытии», связанном с собственностью и имуществом; в-третьих, когда члены семьи, выходя из неё, становятся частными лицами. Во всех случаях требование закона «может распространяться только на те вещи, которые по своей природе внешни и не обусловлены чувством» [1, с. 209]. Поэтому формально правовой взгляд на семью Гегель справедливо считает грубым.

В первую очередь это относится к браку, который по Канту – «это отношение *равенства* владения и как лицами, взаимно обладающими друг другом... и как имуществом, причем они правомочны – правда, лишь по особому договору – отказаться от пользования какой-либо частью его» [3, с. 193]. Безусловно, равенство прав женщины и мужчины, находящихся в брачном союзе, равно как и одинаковые права сторон в случае раздела совместно нажитого имущества во времена Канта воспринимались как новое слово в юриспруденции. Однако обремененным архаичной традицией остаётся взгляд на брак как на закрепленное законом физическое отношение между полами, имеющее характер чисто гражданского контракта, который, определяя отношения индивидов друг к другу, делает супружескую связь формой взаимного потребления.

В гегелевском понимании брак «есть правовая нравственная любовь», в которой природное влечение низводится на степень модальности природного момента, которому предназначено исчезнуть в его удовлетворении, духовная же связь выступает «в своем *праве* в качестве субстанционального, тем самым... в качестве *в себе* нерасторжимо» [1, с. 212]. Поэтому не заключение брачного контракта с сопутствующим внешним церемониалом определяет семейный союз мужчины и женщины, а изначальная духовно-нравственная сущность этого союза наполняет смыслом внешнюю юридическую сторону его оформления. Если не учитывать это, то «приобретение супруги или супруга происходит... как правовое следствие из обязательства вступить в половую связь не иначе как посредством взаимного владения лицами, которое осуществляется лишь через такое же взаимное пользование их половыми свойствами» [3, с. 195].

Еще более спорным у Канта является трактовка «права хозяина дома», согласно которому на основании договора «хозяин основывает вместе с совершеннолетними детьми или... с другими свободными лицами (домашними) домашнее сообщество, которое представляло бы сообщество неравных (состоящее из *лица повелевающего*, т.е. господина, и лиц *повинующихся*, т.е. слуг, *imperantis et subiecti domestici*)» [3, с. 198]. Явное противоречие состоит в том, что до заключения такого договора слуга и хозяин выступают равноправными лицами, но, заключив его, слуга лишается свободы и, следовательно, перестает быть лицом, оказываясь на положении либо крепостного, либо раба, т.е. существа, неправомочного к заключению договора. Это порождает новое противоречие. Теперь хозяин имеет вещное право на слугу и может, «если слуга сбежит, вернуть его в свое распоряжение [актом] одностороннего произвола» [3, с. 198]. Однако слуга всегда является не *вещью*, а *лицом*, по отношению к которому «односторонний произвол» не может допускаться правом. Разрешение обнаружившихся противоречий Кант видит во временном характере договора и возможности каждой из сторон отказаться от своих обязательств. Однако такое паллиативное решение не позволяет преодолеть горизонт средневекового вассального «права»,

несовместимого с принципом справедливости как равенства прав свободных личностей.

Концепция ретрибутивной справедливости

Кантовская теория наказания неоднократно становилась предметом научного рассмотрения [см.: 6; 8; 9; 10]. Отмечая несомненный вклад Канта в теорию деликтного права, исследователи вместе с тем указывают на ряд трудноразрешимых противоречий, возникающих при попытках применить принципы карающей справедливости к решению вопросов конкретной юридической практики. При оценке обоснованности критических замечаний в адрес Канта следует учитывать, что проблема наказания разрабатывалась им как фрагмент учения о «чистом праве», т.е. о тех всеобщих умопостигаемых принципах, которые в отношении правоприменительной деятельности выполняют *регулятивную* роль, то есть определяют не то, каковы наличные законы, а то, какими они *должны* быть.

Преступление по Канту - это нарушение публичных законов, которое может состоять в нанесении ущерба либо отдельному лицу (частное преступление), либо обществу (публичное преступление). Каждое из них влечет наказание по суду, которое не должно выходить за рамки права и преследовать утилитарные цели в отношении других членов общества – устрашения, предостережения, воспитания. «Согласно Канту, индивид наказывается за то, что он совершил, а не за то, что он есть. Строгое правовое наказание никогда не может поэтому иметь в виду полную ликвидацию личности преступника, превращение его в "вещь", в простую "добычу" карающего государства, – в существо, в отношении которого "все позволено"» [7, с. 209].

Смысл наказания состоит в восстановлении нарушенной преступником справедливости как охраняемого государством основания гражданского состояния общества. Всякая несправедливость чревата разрушением правового уклада жизни, обеспечивающего свободы и безопасность граждан. Этим объясняется ригоризм Канта, заявляющего: «если исчезнет справедливость, жизнь людей на земле уже не будет иметь никакой ценности» [3, с. 256].

Вину человека, совершившего преступление, Кант усматривает не только в ущербе, нанесенном другому человеку или обществу в целом, но и в том зле, которое он причинил самому себе. Наказание не есть неотвратимость *естественной кары* за нарушение природного или божественного закона. Преступление является актом осознанного нарушения правового закона индивидом как свободным и разумным существом, но, совершая его, преступник тем самым лишает себя возможности быть гражданином, которому государство обеспечивает защиту и безопасность. Наказание по суду – это наказание человека за преступление против самого себя. В этом смысл кантовских сентенций: «зло, которое ты причиняешь кому-нибудь другому в народе, не заслуживающему его, ты причиняешь и самому себе. Оскорбляешь другого – значит ты оскорбляешь себя; крадешь у него – значит обкрадываешь

самого себя; бьешь его – значит сам себя бьешь; убиваешь его – значит убиваешь самого себя» [3, с. 257]. Наказание – это тот бумеранг, который возвращается преступнику в виде кары, эквивалентной тяжести преступления.

Справедливость состоит в соразмерности наказания степени вины. «Лишь право возмездия (*ius talionis*), если только понимать его как осуществляющееся в рамках правосудия (а не в твоём частном суждении), может точно определить качество и меру наказания» [3, с. 257]. Это одно из тех высказываний, которые дают повод выводить кантовское понимание справедливости из принципа талиона. Придерживаясь данной точки зрения, Э. Ю. Соловьев указывает на историческую эволюцию принципа талиона от варварского отмщения в форме кровной мести, через карательную практику абсолютистских государств к либертарианской идее правового отмщения [см.: 7, с. 201-205]. Действительно, теория воздаяния Канта во многом еще отягощена пережитками судебно-карательного права, санкционировавшего систему телесных наказаний по принципу талиона. Отсюда требуемая философом «натуралистическая эквивалентность уголовной кары» – нанесение унижения чести за моральное оскорбление, кастрация за изнасилование и скотоложество, смерть за убийство другого человека.

Особые споры вызывает актуальная и для современной юстиции позиция Канта по вопросу смертной казни. В отношении убийцы он был предельно категоричен – «если же он убил, то он должен умереть. Здесь нет никакого суррогата для удовлетворения справедливости. Жизнь, как бы тягостна она ни была, *неоднородна* со смертью; стало быть, нет и иного равенства между преступлением и возмездием, как равенство, достигаемое смертной казнью преступника, приводимой в исполнение по приговору суда...» [3, с. 258]. Человек как разумное и свободное существо обладает абсолютной ценностью, поэтому насильственное лишение его жизни – самое тяжкое преступление, за которое смерть является «лучшим уравниателем перед общественной справедливостью». Всякое отступление от императива карающего возмездия в форме помилования убийцы или замены казни другим видом наказания является «публичным нарушением справедливости». «Сколько есть преступников, совершивших убийство, или приказавших его совершить, или же содействовать ему, столько же должно умереть; этого требует справедливость как идея судебной власти согласно всеобщим, а priori обоснованным законам» [3, с. 259-260].

Оборотной стороной излишней категоричности Канта становится его непоследовательность. Во-первых, как следует из приведенного высказывания, высшей меры наказания заслуживает не только исполнитель, но и соучастники убийства, хотя вина всех этих лиц не одинакова. Во-вторых, Кант считает допустимым наказание смертной казнью не только за убийство, но и за другие виды преступлений, например, за государственную измену. В-третьих, чтобы лишение преступников жизни не превратилось в практику массовых казней, по прагматическим мотивам смертная казнь актом верховной власти может быть заменена ссылкой или пожизненным

заключением. Наконец, Кант считает неправомерным наказание смертной казнью за убийство матерью незаконнорожденного ребенка и убийство на дуэли, считая, что *право чести* в первом случае находится вне закона, а во втором – выше закона.

В этом и во многих других случаях очевидно несоответствие между апприорными положениями кантовской философии права и их практической реализацией. Неприменимость в современном уголовном законодательстве принципов кантовской теории наказания, и, прежде всего, невозможность установления строгого эквивалента между тяжестью преступления и мерой ответственности, расценивается рядом правоведов [см.: 8, с. 42-47] в качестве подтверждения поговорки: «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики». Между тем статью с таким названием Кант предваряет следующим замечанием: «между теорией, как бы совершенна она ни была, и практикой требуется еще посредствующее звено, которое соединяло бы их и составляло переход от одной к другой» [2, с. 61]. Такое опосредующее знание (теория среднего уровня) должно выполнять технологическую функцию перевода принципов теории наказания на язык конкретных юридических законов и правил. Без связи с философией «чисто эмпирическое учение о праве – это голова (подобно деревянной голове в басне Федра), которая может быть прекрасна, но, увы, не имеет мозга» [3, с. 139]. Поэтому в центре внимания должны находиться не его часто неудачные рекомендации, обращенные к эмпирической правовой практике, те идеи, которые лежат в основе кантовской пенологии.

Во-первых, соответствие наказания степени тяжести преступления – это объективное основание для признания сторонами конфликта (виновным и потерпевшим) справедливости решения суда, предотвращающего редукцию талиона в бесконечность отмщения.

Во-вторых, ретрибутивная справедливость состоит в том, что человек наказывается не за то, что он преступник, а за то, что он совершил преступление. Юридической квалификации подлежит не лицо, а противоправное действие, совершенное этим лицом. Поэтому «с человеком никогда нельзя обращаться лишь как с средством достижения цели другого [лица] и нельзя смешивать его с предметами вещного права, против чего его защищает его прирожденная личность» [3, с. 256].

В-третьих, если в сфере личного права всеобщим эквивалентом оценки нанесенного ущерба являются деньги, то единственной надежной мерой установления соответствия между преступлением и наказанием является свобода. Всякое преступление – противоправное посягательство на свободу другого, следовательно, всякое наказание должно быть ответным лишением свободы преступника. Тем самым справедливость как *равенство в свободе по всеобщему закону* приобретает форму негативного категорического императива и исключает талион в его буквальном виде.

В-четвертых, справедливым может быть признано лишь такое решение суда, которое выносится на основании правового закона. Хотя виновник

противоправного действия наносит вред не только потерпевшей стороне (другим лицам или обществу), но и себе, он не может как самостоятельное и разумное существо определять себе меру наказания. «В самом деле, – рассуждает Кант, – если бы в основании правомочия наказывать лежало *обещание* злодея, что он *захочет* подвергнуться наказанию, то ему же и должна была бы быть предоставлена возможность решать, заслуживает ли он наказания, и, таким образом, сам преступник стал бы своим собственным судьёй» [3, с. 261]. Объединение же в одном лице двух инстанций – выносящей приговор (судебной власти) и приводящей его в исполнение (исполнительной власти) противоречит принципу разделения их полномочий и приводит к тому, что вынесение судебного решения (приговора) как «единичного акта общественной справедливости» неправомерно предоставлено единичному лицу, а не суду, посредством которого реализуется объединенная воля народа. Но это ставит вопрос уже о справедливости самой государственной власти.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
2. Кант И. О поговорке «Может быть это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 2. – М. : Мысль, 1965. – С. 59-106.
3. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 2. – М. : Мысль, 1965. – С. 107-438.
4. Крыштоп Л. Э. Лекции по естественному праву: справедливость и совестливость // Кантовский сборник. – 2016. – № 4 (35). – С. 63-72.
5. Козыренко Р. Н. Идея справедливости в учении Иммануила Канта // Актуальные вопросы права, образования и психологии. – 2020. – Выпуск 8. – С. 71-77.
6. Пилецкий С. Г. Иммануил Кант о статусе мести и возмездия // Вестник Бурятского государственного университета. Философия, социология, политология, культурология. – 2012. – Выпуск 6а. – С. 108-113.
7. Соловьев Э. Ю. Категорический императив нравственности и права. – М. : Прогресс-Традиция, 2005. – 416 с.
8. Суденко В. Е. Справедливость и наказание по И. Канту // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2010. – № 3. – С. 42-47.
9. Туманов А. А. Современные аспекты теории наказания И. Канта // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – Т. 3. – С. 1656-1660.
10. Шавеко Н. А. Теория справедливого наказания (между Кантом и утилитаристами) // Пенитенциарная наука. – 2019. – Т. 13. – № 3. – С. 304-312.